

FROM RUSSIA TO THE SOVIETS – IDEOLOGY AND POLITICS

ОТРАЖЕНИЕ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ В АТТРИБУТАХ ВЛАСТИ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ (XI-XVI ВВ.)

Н.А. СОБОЛЕВА

В данной проблеме вычленяются две составляющие: символы власти и проблемы империи. В настоящее время империи привлекают к себе внимание не только историков, но и политологов, социологов, правоведов, философов, экономистов, даже филологов. «Имперская» проблематика находится, по словам академика А.О. Чубарьяна, директора Института всеобщей истории РАН, в русле повышенного внимания к так называемой «глобальной истории», обуславливающей изучение особенностей мирового развития в сопоставительном плане, причем в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии разных стран¹.

Как пишут современные политологи, до эпохи перестройки Советский Союз редко рассматривался советологами в имперском контексте². Однако распад СССР оживил интерес к имперской проблематике. Особое внимание сфокусировалось на «советской империи», особенно после заявления американского президента Рейгана, назвавшего Советский Союз «империей зла». Как пишет политолог А. Мотыль, «момент для этого был в высшей степени подходящий: в центре драматических событий оказалось образование, которое теперь можно было назвать империей, не опасаясь нарушить общепринятые академические нормы словоупотребления»³. В настоящее время именовать СССР «империей зла» считается практически обязательным для западноевропейских, да и некоторых отечественных публицистов и специалистов. Причем, памятуя о научной составляющей понятия «империя», вспоминают и о *translatio imperii*, «передаче» империи от Византийской к Российской, Советской и даже – к Российской Федерации⁴. Все эти современные построения выглядят достаточно политизированными и не обретшими научной формы.

---

¹ Чубарьян А.О. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. М., 2004. С. 10-11.

² Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004. С. 11. Исключение составляют

³ Мотыль А. Указ. Соч. С. 12.

⁴ Об этом: Солдатов А. Круглый стол «Пространство в России» // Отечественные записки. М., 2002. № 6. С. 15, 32-33, 114 и др.

Однако прецедент «передачи империи» существовал в российской общественной мысли задолго до новейших воззрений на российскую и советскую государственность. Имеется в виду концепция «Москва – Третий Рим», историческая составляющая которой достаточно хорошо изучена⁵, но продолжает привлекать внимание отечественного и иностранного научного сообщества⁶.

Заметим, что идеологема «Москва – Третий Рим» так же, как и имперская идея, в настоящее время «пущена в публицистический обиход», причем с вычленением богоизбранности Руси и мессианства. Один из «радетелей русского патриотического духа», например, пишет: «... Россия может и должна вспомнить свой исконный уклад, взглядевшись в собственный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать»⁷.

Часть авторов включают идею «Третьего Рима» в религиозно-философский контекст (в таком варианте она приобрела «права гражданства» в науке и публицистике во второй половине XIX в. после публикации в журнале Казанской Духовной Академии сочинения монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея). Часть – рассматривает ее в культурно-социальном аспекте; многие, причем не только отечественные, но и иностранные авторы, отождествляют данную доктрину с имперской идеей.

В подобном понимании эта теория сближается с такой имперской составляющей, как *translatio imperii*. Современная историография отражает противоречивые взгляды на соотношение двух вышеназванных средневековых теорий. *Translatio imperii*, основывающаяся, разумеется, на существовании империи, предполагает передачу власти (в мире) от одного государства (империи) к другому, или по иной версии, речь идет о перенесении господствующего начала с одного народа на другой⁸.

«Москва – Третий Рим» длительное время рассматривалась в литературе как воплощение идеи о византийском наследии, причем доминантой являлась чисто духовная идея спасения, а не торжества и превосходства, свойственная в общем-то всем империям, не говоря уже об идее всемирности. Николай Иванович Ульянов, русский эмигрант, профессор Йельского университета, писал в статье «Комплекс Филофея» о том, что пророчества Даниила о смене всемирных империй существенно

⁵ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

⁶ См. Труды семинара «От Рима к Третьему Риму», который ежегодно проводится в Риме и Москве: Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986; Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995; Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997; Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Избранные труды. М., 1996. Т. I; Kämpfer F. Die Lehre vom Dritten Rom-pivotal moment historiographische Folklore? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 49, 2001. H. 3. S. 430-441; Poe M. Moscow, the Third Rome: The Origins and Transformations of a "Pivotal Moment" // Idem. S. 412-429; Мильников А.С. Мифологема «Кесарь Август» и «Москва – Третий Рим», или Московская страница в истории европейского измерения славянского мира // Славянский мир между Римом и Константинополем // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. II. С. 184-208; Сахаров А.Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006.

⁷ Иванов А.Б. Третий Рим. М., 1996. С. 126.

⁸ Nitsche P. *Translatio imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16. Jahrhunderts* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1987. B. 35. H. 3. S. 327.

разнятся в толковании преемства: западноевропейские средневековые идеологи имели в виду не одну духовную миссию, но и политическое возрождение новой империи (реновацию империи), а в доктрине, приписываемой «псковскому старцу» (Филофею), нет и намека на присвоение русским государем «прав исчезнувших базилиевсов»⁹.

Один из отечественных исследователей доктрины «Москва – Третий Рим» в 60-е гг. XX в. А.Л. Гольдберг соотносил ее с идеей связи русской государственности с мировыми державами¹⁰. Последняя воплотилась в легендарно-политических сказаниях о римском происхождении династии Рюриковичей от императора Августа. И новая династия Романовых не отказалась от происхождения от римского кесаря.

А.Л. Гольдберг и многие другие отечественные историки (Сахаров, Мильников, Сеницына и т.д.) убеждены, что Русское государство подобно многим другим странам Европы явилось наследником Римской цивилизации (практически все названные авторы подчеркивают, что наряду с религиозным аспектом идея «Москва – Третий Рим» имела и политический аспект), т.е. идея империи, трансформируясь, «передавалась» на территорию Руси так же, как и в другие европейские страны. Один из отечественных исследователей так и заявляет: «В конечном счете у истоков идеи «Москва – Третий Рим» лежала политическая прагматика, заявленная задолго до Филофея, уходя в XI в., к эпохе Ярослава Мудрого»¹¹. Несомненно, он имеет в виду блестящий памятник идеологии и культуры XI в. «Слово о законе и благодати», принадлежавший первому митрополиту из русских, и как считают, духовнику Ярослава Мудрого Илариону, чрезвычайно образованному и умному человеку.

А.Н. Сахаров в своей книге «Древняя Русь на путях к «Третьему Риму» отметил, что в «Слове» Илариона две концепции – о связи Руси с мировыми державами и трактовке Руси, как наследнице Римского величия, Римского царства – прозвучали совершенно слитно. Иларион отождествляет действия Владимира с действиями первых первокрестителей-апостолов, сравнивает Владимира с римским императором Константином, а Ольгу – с его матерью Еленой, настаивает на абсолютной самостоятельности Владимира в крещении Руси, подчеркивая его самостоятельность в этом вопросе, независимость от Константинополя. Эта тенденция самодостаточности Руси заметна и у последователей Илариона (Иакова Мниха и др.), даже в Повести временных лет, которая рассматривает историю Руси как «ответвление общего потока мировой истории»¹².

По мнению Н.В. Сеницыной, понятие *translatio imperii* содержится в послании Филофея. Она подчеркивает, что Филофей отрицает тот вектор *translatio imperii*, который ведет от «греков к германцам», направляет его в сторону «царства нашего государя», которое провозглашается и именуется Ромейским царством, «Третьим Римом». Таким образом, создается православный вариант теории¹³.

⁹ Ульянов Н.И. Указ. Соч. С. 155.

¹⁰ Гольдберг А.Л. Историко-политические идеи русской книжности XV-XVII веков // История СССР. 1975. № 4. С. 67.

¹¹ Мильников А.С. Указ. соч. С. 199.

¹² Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 43, 46.

¹³ Сеницына Н.В. Указ. соч. С. 327. Вслед за цитированным текстом Сеницына раскрывает существо «православного варианта» *translatio imperii* Ее трактовка, кроме исчерпывающего анализа провозглашенного автором постулата, касается также сравнения идеи «Третьего Рима» с внешнеполитической концепцией

Полное отрицание идеи *translatio imperii* наблюдается практически у всех зарубежных авторов «нового поколения», которые обращались к «*pivotal moment*» русской истории, как охарактеризовал доктрину «Москва–Третий Рим» американский исследователь Маршалл По¹⁴. Это такие специалисты по русской средневековой истории, как Хеллманн, Ниче, Хёш, Кэмпфер, Каппелер и др., считающие вопрос о трансляции империи «топосом» западной средневековой истории. Ф. Кэмпфер, например, писал, что поскольку Римская империя согласно древнерусским текстам явилась лишь эсхатологической метафорой (и ничем иным) так же, как Иерусалим и Вавилон, ни о какой *translatio imperii* в политико-имперском смысле не могло быть и речи¹⁵. Профессор П. Ниче неоднократно подчеркивал, что основная идеологема Византийской империи – претензия на универсализм отсутствует в политике Руси XV-XVI вв. и т.д.¹⁶

Однако в одной из последних работ отечественной исследовательницы С.В. Лурье, которая так и назвала свою статью «Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи», автор объединяет эти империи общими характеристиками.

По ее мнению, для Римской империи был характерен универсализм, т.е. представление, что она единственная в мире и предопределена к мировому господству. В Византии наряду с представлениями о собственном универсализме развивались более чем в Риме идеи замкнутости, охраняющие истинное православие и противостояние «неправедным» учениям. Россия вела активную политику как на Востоке, так и на Западе, но состояние замкнутости не религиозной, но по факту сохранения границ, как бы в преддверии обращения подданных в православие сохранялись. С.В. Лурье считает: все три империи реализовали культурный универсализм и политический изоляционизм, подчеркивая, что сознание единственности – характерное состояние имперского сознания¹⁷.

Сколь давно это имперское сознание существовало в России? Очевидно, оно связано с характером власти. В вышедшей несколько лет тому назад книге американского ученого Ричарда С. Уортмана «Сценарии власти» сказано: «в России представление о верховной власти с самого начала было отождествлено с понятием империи; это отождествление сохранилось и в дальнейшем: единственным настоящим государем был император, который обладал полной и всесторонней властью. С X до XVIII вв. империя ассоциировалась с двумя соперничающими образами – Рима и Византии»¹⁸. Далее, впрочем, автор заявляет, что когда в октябре 1721 г. Петр I принял титул императора от Сената и его назвали «Отцом Отечества,

---

императоров Священной Римской империи, вынашивающих почти в то же время планы на создание универсальной христианской монархии и антитурецких походов. Сеницына подчеркивает, что в отличие от имперских претензий западных императоров никаких внешнеполитических программ в посланиях Филофея не содержалось (Сеницына Н.В. Указ. соч. С. 327-328).

¹⁴ Пое М. *Op. cit.*

¹⁵ Kämpfer F. *Op. cit.* S. 435-437.

¹⁶ Ниче П. «Москва – Третий Рим?» // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. 13-18 мая 1990. М., 1990. Т. II. С. 25.

¹⁷ Лурье С.В. Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи // Империи нового времени: типологии и эволюция (XV-XX вв.). СПб., 1999. С. 26-28.

¹⁸ Уортман Ричард С. Сценарии власти. М., 2002. Т. I. С. 31.

Петром Великим, Всероссийским императором», он воссоздал образ монарха, «ничем не обязанного прошлому». Во многих работах, как отечественных, так и зарубежных, именно с Петра I «началась» Российская империя. Обычно отмечается, что к прежним «царским» атрибутам власти с этого времени прибавились: императорская мантия, меч, государственная печать с вырезанным на ней гербом и титулом, государственное знамя, государственный щит, золотая цепь ордена Андрея Первозванного. Первая императорская корона – для Екатерины I; государственное знамя было сделано в 1742 г. при Елизавете Петровне, мечом не опоясывались, а только выносили его вместе со щитом и т.д.

Австрийский ученый, профессор А. Каппелер написал много работ на тему русской империи. Для него теория «Москва – Третий Рим» и заключенные в этой доктрине идеи, могущие рассматриваться как идеи многовековой *translatio imperii*, являются анахронизмом. По его мнению, «Для создания Российской империи в XVI в. борьба за наследство Золотой Орды явилась более важной, чем так называемая *translatio imperii* Второго на «Третий Рим». Престиж царей чингизидов, подданными которых русские были в течение более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России. Это отражается и во всеобщем уважении к чингизидам и другим татарским аристократам России, и в принятии Иваном IV титула царя в 1547 г. в контексте завоевания Казанского ханства»¹⁹. В осмыслении становления Российской империи в XVI в. Каппелер задействовал момент правового подхода к проблеме, а именно: в завоевании Казанского ханства просматривается аннексия «суверенного государства, которое никогда не принадлежало Руси, а было составной частью империи Чингизидов, основанной в недрах Монгольской империи и исламского сообщества ...»²⁰. Таким образом, экспансия, по мнению австрийского ученого, лежащая еще у истоков «собираения русских земель», начавшаяся в новгородской земле в XII-XV вв., проходящая разные ступени присоединения, достигала «полной социальной и культурно-конфессиональной интеграции». При подобном подходе вся символика царской власти, складывающаяся к XVI в., кажется каким-то флером, прикрывающим экспансионистские устремления Ивана IV, осознавшего «собственный исторический путь развития» Руси, утвердившегося в имперской миссии Рюриковичей, и т.д. Кстати, набор предметов, символизирующих власть Ивана IV, якобы присланных византийским императором еще его предку – Владимиру Мономаху, варьировался, будучи описанным в разных источниках и разными авторами. М.М. Щербатов, например, называет вещи «греческой работы, присланные Мономаху: шапка, скипетр, держава, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо». Н.М. Карамзин, ссылаясь на летописные известия, говорит о следующих наборах вещей, поступивших к русскому князю в XII.: «диадима Константина Мономаха и другая царская утварь», «венец царский еще Константина Мономаха, скипетр и диадима и крест с животворящим древом златы, гривна и прочая царская знаменья», «животворящий крест, венец, крабийца сердоликовая (из коей

¹⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 20 и дал.; его же. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII вв.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96.

²⁰ Каппелер А. Формирование Российской империи. С. 98-101.

пивал Август Кесарь), цепь золотая и многие другие драгоценности», «венец, крест животворящий, порфира, виссон, гривна золотая».

«Дары византийского императора» и по количеству и по «набору» не одинаковы. Уже один этот факт мог бы навести на размышления самого феномена «дарения», являясь по сути, хоть и легендарным, но политически необходимым в борьбе за признание за великим Московским князем Иваном III Васильевичем, дедом Ивана IV, титула императора. Иван III в 1498 г., как известно, венчал внука Дмитрия на великое княжение, возложив на него «бармы и манамахову шапку». А за пиршеским столом он подарил юному Дмитрию «крест с золотой цепью, пояс, осыпанный драгоценными камнями и сердоликовую крабию Августа Цесаря». Многие исследователи считают, что венчая внука великим князем, он тем самым обосновывал свое право на императорский титул, во всяком случае, американский ученый Г. Алеф, посвятивший книгу становлению русского самодержавия, подчеркнул, что Иван III «позаботился», чтобы факт венчания узнали в Европе²¹.

Согласно завещанию Ивана Калиты, старшему сыну Семену в отличие от двух младших братьев достался «кожухъ черлении женчужьнии, шапка золотая». В духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича старшему сыну Дмитриюзавещаны, кроме драгоценностей, однотипных с другими наследниками: «шапка золота, бармы, пояс велики золотъ (с камень)емъ с жемчуги, что мя благословиль отецъ мой, князь велики ...». Дмитрий Иванович Донской, в свою очередь, оставляет старшему сыну Василию «пояс золот велики с камением, бармы, золотую шапку». В завещаниях последующих великих московских князей старшим сыновьям передаются золотая шапка, бармы, пояс (золотой большой), цепь, крест да сердоличная коробка²².

Таким образом, к концу XV в. окончательно складываются «мономаховы атрибуты». Основой их является «золотая шапка» или «шапка Мономаха». Эта своеобразная русская корона, так называемый венец, долгое время считающийся подарком хана Узбека Ивану Калите, – «золотая тибетейка бухарской работы». В настоящее время доктор исторических наук Института археологии РАН Наталья Викторовна Жилина выпустила книгу «Шапка Мономаха», где доказывает, что шапку можно рассматривать «внутри византийского комплекса филигранных произведений» (как когда-то писал Н.П. Кондаков). Он датировал изготовление шапки XII в., Жилина – началом – серединой XIII в. согласно технологическим показателям. Предположительно ее купил в Каффе у генуэзских купцов Иван Калита. Шапка несколько раз переделывалась. Верхняя часть – яблоко – надета на шапку при Иване Грозном, но позже его венчания на царство²³.

Следует заметить, что меховая опушка «русской короны» выглядит традиционно: шапки с такой опушкой носили русские князья, о чем свидетельствуют их изображения в различных рукописях. Чужеземные правители, как правило,

²¹ Alef G. The Origins of Muscovites Autocracy the Age of Ivan III // Osteuropa – Institut an der Freien Universität Berlin. Historische Veröffentlichungen, 1986. В. 39.

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. С. 8, 16, 36, 57, 59, 61, 197.

²³ Жилина Н.В. Шапка Мономаха. М., 2001. С. 203-205.

изображались в зубчатых коронах так же, как и татарские ханы. Исключение составляют предметы шитья XV в.: саккос митрополита Фотия показывает Василия Дмитриевича и его супругу Софью Витовтовну в коронах. Рядом фигуры византийского императора Иоанна Палеолога с супругой – дочерью Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны, также коронованные. Что касается общепринятых регалий – скипетра и державы, то они в русском искусстве известны с конца XV – нач. XVI вв. В Чине венчания на царство сына Ивана Грозного Федора Иоанновича записано, что митрополит подал в руки нового царя скипетр, а при венчании на царство Бориса Годунова в 1598 г. митрополит подал ему державу. Первый Романов – Михаил Федорович получил от митрополита или патриарха вместе с крестом, бармами, царским венцом в правую руку скипетр, в левую – державу²⁴.

Трон, корона, скипетр, держава – основные регалии императорской (и королевской) власти, которые получали, в частности, возводимые в императорский сан Карл Великий, Оттон I, и это их качество незамедлительно находило отражение на монетах или на печатях, которые являются атрибутами власти любого правителя. На Руси и в России нет столь характерных для Запада, так называемых *Majestats-siegel* с сидящим на троне королем или императором. Однако все большее число исследователей считает, что киевские князья имели «имперские притязания» после принятия христианства. Например, польский историк Василевский считает, что эти притязания отразились в изображениях Христа на монетах и печатях, что свойственно императорским выпускам; он приводит сведения о греческих миниатюрах, на которых русский правитель в конце XI в. (Хроника Иоанна Скилицы) изображен сидящим на троне в короне и т.д.²⁵.

Исключительно любопытные наблюдения о становлении «империи Рюриковичей», как в некоторых работах называется Древнерусское государство, имеются в статье румынского историка Дмитрия Настасе «Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г.»²⁶. Он считает, что зарождение имперской идеи относится ко времени Киевской Руси – ко времени князя Святослава, которому досталась «суверенная власть» от болгар, где она носила имперский характер, и от хазарских каганов. И тех, и других Святослав победил.

Дополняет данные указанных авторов широкоформатное исследование титулатуры русских правителей, произведенное, прежде всего, французским проф. В.Водовым, польским профессором А.Поппе (термина «царь») и А.П. Новосельцевым, И.Г. Коноваловой (титула «каган»)²⁷.

²⁴ Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. Составил П.П. Пятницкий. М., 1896. С. 10-11; Российский царственный Дом Романовых. Составил Г.К. Фридебург. СПб., 1852. С. 4.

²⁵ Wasilewski T. La place de l'État russe dans le monde byzantin pendant le haut moyen age // *Acta Poloniae Historica*. 1970. Т. 22. Р. 47.

²⁶ Настасе Д. Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 252-265.

²⁷ Обобщающие отечественные работы о термине «царь»\$ Щапов Я.Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 7-16; Горский А.А. Представление о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство ... С. 17-37; о термине «каган»: Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // *История СССР*. 1982. № 4. С. 150-159; Он же. Образование Древнерусского государства и первый его

В силу специфики моих научных занятий в поле моего зрения попали первые русские монеты – златники и сребреники, на которых помещен «трезубец», получивший в основном в археологической литературе название «герба Рюриковичей»²⁸. На златниках и сребрениках Владимира Святого, которые являются подражанием византийским монетам, однако, с портретным сходством русского правителя, на оборотной стороне – изображение Иисуса Христа. Однако вскоре вместо него появляется трезубец. Ранний чекан некоторых народов дает совмещение вполне «цивилизованного» изображения с предметом древних верований (на англосаксонских монетах – змея или дракон – олицетворение чудовищного божества Вотана (Водан-Один). На монетах Михаила Шишмана оборотная сторона занята лигатурой, известной в более раннее время как тамгообразный знак).

Думается, что помещение на древнерусских монетах, на этом главном показателе престижности власти, древних символов – напоминание о более древних представлениях о ней.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности), чем он мог впоследствии оказаться. Есть предположение, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна. Раскрыть семантику этого знака помогли работы болгарских ученых, где существовали двузубцы и трезубцы, после принятия Болгарией христианства, но в основном, работы археолога Флеровой, посвященные аналогичным хазарским знакам, которые отражают систему языческих верований хазар. В этой системе приоритетным является иранский субстрат, сложившийся в двуединстве тюркского и иранского субстратов. Ученые выделяют среди последних знаки, соответствующие определенным титулам и рангам, и *сакральные знаки, к которым относится трилистник*. Флерова и другие археологи отмечают сохранение в Хазарии следов язычества и отсутствие следов влияния иудаизма на памятники материальной культуры. М.И. Артамонов считал крупное степное государство Хазарский каганат «почти равным по силе и могуществу Византийской империи и Арабскому халифату, во всяком случае, в VIII-IX вв. Хазарскому каганату принадлежало ведущее место в истории южных земель Восточной Европы, и именно Хазария была первым государством, с которым вступила в контакт Русь при формировании своей государственности»²⁹. О взаимовлиянии салтово-маяцкой хазарской культуры и славянской волынцевской культуры в Днепровско-Донском междуречье свидетельствуют археологические находки. Знаки-тамги из Кива и Саркела исключительно схожи. Нет ничего удивительного, что при таком культурном общении мог появиться среди русов термин «каган». Именно каганов Владимира и Ярослава прославляет в «Слове о законе и благодати» их современник Илларион. На

правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 8-9 и след.; Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 108-135.

²⁸ Исследования далее излагаемого сюжета опубликованы в статье: Соболева Н.А. Знак Рюриковичей в контексте проблемы «Русь и евразийская идея» // Хранитель. Исследователь. Учитель: К 85-летию В.М. Потина: Сб. научных статей. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 33-68.

²⁹ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 64.

стене Софии Киевской имеется надпись: «Спаси Господи, кагана нашего» – так назван сын Ярослава Мудрого Святослав Ярославич, правивший в Киеве в 1073-76 гг., рядом – рисунок трезубца.

Как показали новейшие филологические и исторические исследования, круг источников, упоминавших о кагане русов, очень велик: от восточных авторов до западных. С полным основанием ученые полагают, что с половины IX в. правитель русов в международном общении носил самый значимый в регионе титул «каган», «дававший его обладателю международное признание. Поэтому в принятии правителями русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, predeterminedенную внешними обстоятельствами»³⁰.

Этот титул был хорошо знаком Византии. Подобный титул в качестве «царя» носил не только хазарский правитель, но и аварский.

Почти одновременно с титулом «каган» исчезают и «знаки Рюриковичей»: одни считают, что это произошло в сер. XII в., другие – в нач. XIII в.

Следующий сюжет касается печати, принадлежащей изначально Московскому великому князю Ивану III Васильевичу; она сохранилась при рядовой обменной грамоте 1497 г.³¹ Печать согласно титулу, помещенному на ней, не могла появиться ранее начала 90-х гг. XV в. В отличие от ранее употреблявшихся печатей Московских великих князей она – новая по форме и по изображению на ней: на одной стороне – всадник, поражающий копьем дракона, который в литературе «назывался» князем. На самом деле – это изображение святого Георгия Победоносца, но в форме, принятой в эпоху Возрождения в Европе, а именно в Италии (Северная Италия, откуда приехали «архитектоны» – архитекторы, возводившие новый Кремль при Иване III). Каждый из них обязательно по образованию был еще и гравером, во всяком случае, можно обнаружить аналогии изображению всадника на московской печати подобным же монетным изображениям именно Северной Италии. Характеризует печать не только качество исполнения, но и подбор эмблем. Георгий Победоносец – своеобразный символ объединения русских земель. Этот сюжет появился на монетах и печатях после Куликовской битвы 1380 г. Его использовали князья «московского круга» и сам Иван III.

На обороте – двуглавый орел – символ императорской власти, за которую так ратовал Иван III. Этот символ он увидел на печатях императоров Священной Римской империи, с которыми установил контакты. Это не был герб Византии, который будто бы привезла Софья Палеолог, на которой московский князь женился в 1472 г. Если бы это было так, то Ивану III не надо было ждать 25 лет, чтобы использовать данный знак. Эти эмблемы появились на государственной печати объединителя русских земель и создателя единого Русского государства в связи со складывающейся новой концепцией власти. Печать по технике исполнения и эмблематике стала

³⁰ Коновалова И.Г. Указ. соч. 117-119.

³¹ Уникальная красновосковая вислая печать, созданная, скорее всего, итальянскими мастерами в правление великого московского князя Ивана III Васильевича («печать 1497 г.») неоднократно изучалась прежде всего Н.А. Соболевой. См. ее работы: Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000, № 4. С. 25-43; Печать 1497 года – историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН, 1999-2000. М., 2002. Вып. 3.

соответствовать западноевропейским образцам. Она оставалась в российском делопроизводстве весь XVI и XVII вв.

Эмблемы вошли в Российский государственный герб.

Наконец, еще один сюжет, связанный с имперскими претензиями Ивана IV Васильевича Грозного. Речь идет об уникальной печати, на которую обращали внимание многие исследователи эпохи Ивана Грозного³². Это печать, на которой кроме эмблем двуглавого орла и всадника – драконоборца, помещены 24 эмблемы по 12 с каждой стороны, представляющие собой знаки земель, княжеств, царств, входящих в Российскую державу. При детальном анализе оказалось, что подписи вокруг каждой эмблемы – «печать такая-то» не соответствуют действительности. Большинство печатей просто не существовало.

Использование печати для скрепления международных актов натолкнуло на мысль, что Иван Грозный заимствовал принцип построения печати у тех стран, с кем имелись контакты и переписка. В Польше, Дании, Священной Римской империи имелись подобные печати, но эмблемы, использованные в их композиции, действительно являлись печатями (гербами) земель, входящих в состав государства. Печать датирована мной 1577 г. по печати Полоцкой и других прибалтийских земель, чьи гербы были воспроизведены произвольно. К рисункам печати обращались позднее при составлении Гербовника (Титулярника 1672 г.), как правило, эмблемы менялись. Кроме одной – Печати царства Казанского. Символ этого царства – дракон в короне – в течение 450 лет оставался неизменным, и в настоящее время является гербом города Казани. Хотелось бы отметить еще одну деталь. Поскольку в глазах европейцев венчание Ивана IV на царство могло выглядеть как самозванчество, в легенды о получении царского достоинства от «греческих царей» предками Ивана IV, по-видимому, зарубежное высшее общество также не особенно верило, «приобщиться к царственной силе» предстояло Ивану IV другим путем. Этот другой путь нашел отражение в ряде русских и зарубежных, переведенных на Руси произведений. Воплощался он в завоевании «царства», которое давало завоевателю право называться «царем». В дипломатических документах Иван IV подчеркивал значение этих мест, где «изстари цари велись». Например, послу, отправлявшемуся в Литву, надо было передать королю: «царство Казанское взято и поэтому Иоанн сделался царем». Отныне Казань приобретает символический статус, как «источник русского царения».

---

³² Данная печать неоднократно находилась в поле зрения ученых разных стран: Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. I; Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen. 1972; Соболева Н.А. О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. Сб. статей. М., 1982. С. 179-186; Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 201-226; Соболева Н.А. Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати Иоанна IV // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Нижний Новгород, 2008. С. 359-370.